

Адвокат Каринна Москаленко. Фото: «Радио Свобода»

10.07.2014, 08:51 Москва

ДОКУМЕНТЫ

Выдержка из прений в деле Удальцова и Развозжаева

На процессе по делу Сергея Удальцова и Леонида Развозжаева в Мосгорсуде закончились прения, обвиняемые выступили с последним словом, суд удалился на вынесение приговора, который должен быть оглашен 24 июля. ОВД-Инфо публикует расшифровку выступления адвоката Каринны Москаленко 8 июля в прениях. Этот день в суде был отдан для выступления самого Удальцова, продлившегося четыре часа, и его четырех адвокатов. Каринна Москаленко выступала последней.

Уважаемые участники процесса (если все еще в состоянии слушать седьмого человека, выступающего в прениях со стороны защиты)! Я позволю себе говорить со своего места и использовать стул. Тяжело выступать последней, но в то же время благодаря замечательным выступлениям моих коллег по защите и, как это довольно редко бывает, убедительного и подробного выступления самого подсудимого в прениях сторон, мне фактически остается

поднять одну-две оставшиеся темы, о которых меня просил мой подзащитный и мои коллеги по защите.

После этого всестороннего и детального анализа доказательств, проведенного защитой, совсем не сложно прийти к выводу о невиновности подсудимых по этому делу. Поскольку сегодня принцип публичности в российских судах выдерживается, речь и выступления защиты прежде всего Удальцова становятся достоянием всего российского народа, ради которого он собственно живет, дышит и трудится, и весь российский народ сможет сделать вывод о том, что не только обвинение не доказало каждое из своих обвинений, но и подсудимые, которые не обязаны доказывать свою невиновность, сделали это — доказали отсутствие каких-либо фактов предписываемых им незаконных действий. Ничего кроме конспирологических теорий и легенд обвинение этому противопоставить не может, поэтому и позволяет себе рассказывать суду о каких-то обстоятельствах, каких-то лицах из руководства Республики Грузия. Это очень увлекательные, но ничем не подтвержденные подробности.

Само привлечение Удальцова к уголовной ответственности за предписываемые ему действия противоречат принципам правового государства, нарушает как минимум следующие нормы Конституции Российской Федерации и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую принято называть Европейской конвенцией, которые я попробую кратко вам продемонстрировать.

Итак, нарушение статьи 31 Конституции России и статьи 11 Европейской конвенции. Эти нормы почти идентичны, эти нормы гарантируют свободу участия в публичных акциях без необоснованных ограничений. Статья 31, как известно, гарантирует право собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги, демонстрации,

шествия и пикетирования, а статья 11 гласит, что каждый имеет право на свободу мирных собраний, свободу объединения с другими, включая право создать профессиональные и другие союзы. Специфика этой нормы Европейской конвенции заключается в том, что право, гарантированное статьей 11, не является абсолютным, оно может быть ограничено. Поэтому и существуют в различных государствах различные законы о порядке проведения митингов, шествий, они по-разному называются, но государственная власть вправе, а во многих случаях и обязана ограничивать эту свободу для защиты других прав граждан, поэтому мы не говорим о том, что это право абсолютно, но мы говорим о том и прежде всего ссылаемся при этом на решения Европейского суда, в частности, я хотела бы обратиться к параграфу 86 решения по делу Каспаров и другие против России, где, хотя свобода собраний как фундаментальное право в демократическом обществе не является неограниченным, но все же имеет свои исключения, а именно: вмешательство государства может иметь место в тех случаях, когда оно прямо предусмотрено законом, преследует легитимную цель и, наконец, — обязательно условие, все три условия должны существовать — оно должно быть абсолютно необходимо в демократическом обществе.

«При выяснении, — читаю я дальше вслух параграф 86 решения Европейского суда по делу Каспаров и 8 других против России, — было ли ограничение свобод, гарантированных Конвенцией, «необходимым в демократическом обществе», договаривающиеся стороны обладают некоторой, хотя и не безграничной свободой усмотрения. Ограничения будут считаться «необходимыми в демократическом обществе» для законных целей в том случае, если они отвечают «острой социальной необходимости», в конкретном случае пропорциональной законным целям и если причины,

побудившие национальные власти применить их, были «легитимны».

Мои коллеги по защите избавляют меня от необходимости — вот сейчас мой коллега Виктор Иванович [Федорченко] продемонстрировал, какие простые действия могли быть предприняты представителями власти российской, в данном случае московской, для того чтобы не допустить тех последствий, которые никто из нас, разумеется, не приветствует, даже малые столкновения мирных демонстрантов с полицией не являются желательными для любого здорового элемента общества, исключая экстремистов, которые именно на это и рассчитывают, к числу которых мой подзащитный ни в коей мере не относится. Все эти действия не были предприняты, и когда в том же решении Каспаров и другие против России Европейский суд анализирует, все ли было сделано властями для того, чтобы предотвратить более серьезные ограничения — как аресты участников, — Европейский суд приходит к выводу, что нет. Имело место нарушение статьи 11, потому что более мягкие и более простые, менее жесткие и менее, как пишет суд, brutальные меры могли быть использованы. В данном случае, уважаемый суд и уважаемые участники процесса, этого не было сделано.

Я, развивая мысль о легитимности, о допустимости в демократическом обществе действий, связанных с реализацией права на свободу выражения мнений, с одной стороны — статья 10 Конвенции — и права на свободу митингов, шествий, собраний и манифестаций — статья 11 Конвенции, могу сказать, что такие действия, как подготовка и участие в публичных мероприятиях, в том числе публичные действия, которые имеют даже и активный протестный характер, — абсолютно законны. Иные действия, как-то подготовка транспарантов, лозунгов, другой наглядной агитации для таких выступлений — легитимны. Агитация, другая работа

по увеличению числа политических сторонников или участников акции, поездки по регионам, подготовки мероприятий, раздача агитационных материалов — законны и закономерны. Использование спонсорских средств — если они даже были бы доказаны — или средств, собранных сочувствующими через какой-нибудь «Яндекс» или Ольгу Романову, которую сегодня много раз упоминали, и любых таких средств и материальных ресурсов со стороны сторонников вполне допустимы. Желание добиться повторных выборов, доказав нарушения, допущенные во время избирательной кампании, или намерение войти во властные структуры — правомерно. Выдвижение антиправительственных лозунгов ни в коей мере не противоречит закону, деятельность по обеспечению прихода к власти законным путем посредством расширения круга сторонников для эффективной политической борьбы — законно, а совершенствовать опыт политической борьбы, обучиться этому не запрещено, а значит, разрешено.

Здесь я кратко хочу упомянуть еще одно решение Европейского суда по партии РПР — Республиканская партия России против России: попытки ограничить вот эту политическую деятельность... Я хочу сразу сказать, что российская демократия все-таки очень и очень молода, и понятны ошибки и первые шаги властей, когда они начинают арестовывать участников митингов или запрещать партии. Но решения Европейского суда, которые формально звучат «versus Russia», «против России», в действительности за Россию. Посмотрите, какое огромное значение имело решение Европейского суда по делу РПР против России, когда даже судебная власть — я почему говорю, что эти ошибки понятны, — даже судебная власть до самого Верховного суда — и только Верховный суд внес коррективы — пыталась отказать, и после решения Европейского суда, вступившего в силу, пыталась отказать в регистрации

партии РПР по регионам. И что происходит сегодня? В результате оздоровляющей деятельности Европейского суда, в результате решения Верховного суда, принятого по этому делу, когда Верховный суд поставил жирную точку на этих спорах, в настоящее время Владимир Рыжков ездит по всем регионам и занимается партийным строительством.

То есть все, что не запрещено, все разрешено. Не является запрещенной деятельностью вскрывать злоупотребления власти, если такие имели место, если те, кто вскрывает, могут доказать это с фактами. А доказывать фальсификации при выборах парламента страны или ее президента можно и нужно. Эта общественно-полезная деятельность — требовать отстранения тех или иных политических деятелей — допустима с приведением соответствующих аргументов и доводов и не образует состава преступления. Придерживаться тех или иных политических взглядов, отстаивать их, свободно выражать свое мнение, распространять информацию — это право, которое специально предусмотрено как Конституцией Российской Федерации, так и Европейской конвенцией в статье 10. Поэтому само, как я сказала, привлечение Удальцова к уголовной ответственности — это уже что? Это есть акт вмешательства в право, гарантированное статьей 11, и, как я сказала, изначально, еще до осуждения или — не будет такого, как мы надеемся, осуждения — до какого-либо решения по уголовному делу уже является нарушением статьи 11 Европейской конвенции. Почему я не говорю о нарушении статьи 10? Да потому что в том же деле Каспаров и другие против России Европейский суд сказал, что специальной квалификации по статье 10 не требуется и статья 11 полностью поглощает собой нарушения по статье 10 — право на выражение мнения.

Но суд утверждает — я уже цитирую параграф 84 — что вмешательство... Что такое вмешательство? Вот привлекли

Удальцова, Развозжаева, Кривова, еще кого-то к уголовной ответственности за участие в мирной акции. Является ли это уже вмешательством? Или требуется акт осуждения? Судя по решению Каспаров и другие против России — нет. Суд утверждает, что вмешательство может не ограничиться неправовым, по закону или по факту, запретом, но может выражаться в различных других мерах, принимаемых властями. Термин «ограничение» в пункте 2 статьи 11 нужно понимать как включающий равно меры, принимаемые до и во время публичного мероприятия, меры наказания, принимаемые после последствий, а также, уважаемые участники процесса, и срыв мероприятия и задержание участников. Стандарт, установленный этим решением, уже давно находится в пользовании, потому что это решение вступило в силу и все суды Российской Федерации, учитывая обязательную природу и характер решений Европейского суда, должны этого придерживаться, но не только суды, к которым мы сегодня обращаемся с просьбой об оправдательном приговоре, но и обвинительная власть, уже на тех стадиях, когда производится следствие и когда прокурорский, в той или иной степени, надзор, выражающийся в утверждении обвинительного заключения, включается уже на этих стадиях. Люди должны быть гарантированы от подобного вмешательства. Поэтому все вышеперечисленное мною, все разнообразие характера политической, общественной, публичной деятельности допустимо и не запрещено, и если бы это еще было доказано — я говорю о спонсорстве с той или иной стороны, — но даже если бы это было доказано, это все допустимо, но это является, как мои коллеги по защите доказали, нагромождением домыслов, предположений и недопустимых доказательств, предъявленных обвинением.

Поскольку речь идет о демократическом государстве, где действует статья 31 Конституции и статья 11 Европейской

конвенции, как в государстве — члене Совета Европы, наоборот, нельзя без дополнительного надлежащего оповещения сужать место проведения митинга, произвольно выводя из употребления территорию сквера ли, прочей ли части пространства, отведенной для проведения митинга, что прямо приводит к сумятице, давке. Менять весьма провокационно — здесь уже об этом говорилось, что мы не знаем, чем руководствовались власти, когда это делали, но действия эти по факту провокационны — схему проведения публично мероприятия, нельзя вводить не предусмотренные, не известные участникам, особенно организаторам дополнительные средства проверки, как-то: дополнительные рамки, создающие заторы и давку. Преждевременно и произвольно производить окончание мероприятия, злоупотреблять силой, допускать излишнюю жестокость, брутальность в отношениях с мирно митингующими гражданами, выхватывать из толпы митингующих людей с целью их незаконного ареста, уничтожать доказательства, в конце концов, в частности, прятать ту схему, с которой были ознакомлены все желающие, включая Удальцова и Развозжаева, и, в целом, фабриковать уголовные дела и необоснованные обвинения. Европейский суд указал, что применение силовых методов в отношении участников таких акций должно быть строго необходимым и сбалансированным. Вот этот термин «сбалансированность» появляется не в первом деле Каспарова, есть молдавские дела, армянские, другие дела Европейского суда, но чем для нас это важно — что у нас эти реалии из мероприятия в мероприятие переходят и власти не учатся на своих ошибках, к великому сожалению. Так вот, действия должны быть строго необходимыми и сбалансированными. Если можно власти применить нечто более мягкое и не ведущее к жестким ограничениям или вмешательствам в право свободного выражения мнений или свободу демонстраций, своего мнения в мирных шествиях, то это

не может производиться, такие действия считаются произвольными. Произвольные действия органов охраны правопорядка, репрессивные меры в отношении людей, мирно выражающих свою позицию, не допустимы и являются в свою очередь правонарушением, требующим, как сегодня уже неоднократно говорилось, в том числе моим подзащитным, соответствующего расследования. Об этом, об обязанности властей контролировать необходимость и пропорциональность вмешательства полиции было ясно сказано и в параграфе 86. Помните решение Европейского суда по правам человека Каспаров и другие против России, далее я привожу его в авторском переводе, официальным русский текст не может быть, к сожалению: «суд считает, что в данном случае силовое вмешательство полиции не было пропорциональным и необходимым для предотвращения беспорядков в значении параграфа 2 статьи 11. В этих условиях тот факт, что заявителем были предъявлены обвинения в совершении административных правонарушений, не требует отдельной оценки», а «суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 11 в отношении Каспарова, Тарасова» и так далее».

Мы очень долго бились за это решение, спорили с государственными органами и даже спорили после того, как было вынесено решение, но на обращение, на жалобу Российской Федерации в Большую палату был дан отказ, и это решение стало действующим и сейчас находится в стадии исполнения решения в Комитете министров. Что же может быть лучшим исполнением решений, которые устанавливают такие прецеденты, оздоравливающие общественно-политическую обстановку в обществе, как не точное следование этим стандартам? К чему я обвинительную власть и призывала бы по этому и по всем следующим делам, если такие, не дай Бог, будут. Ответственность за неспособность государственных органов обеспечить порядок при проведении публичных

общественных мероприятий, непрофессионализм при планировании акции всецело лежит на государстве, которое должно исполнять — и здесь я приведу еще один термин Европейского суда — свои позитивные обязательства по ненасильственной охране порядка. Позитивные обязательства. Наше право — демонстрировать, в том числе и с помощью митингов, шествий, наше свободное мнение и участвовать в мирных шествиях — корреспондирует обязанности, а именно так называемые позитивные обязательства государства по обеспечению этого права. К сожалению, с этой задачей представители государственных органов по данному делу не справились. И это служебная недобросовестность, халатность или злоупотребление властью должны быть тщательно расследованы, а возлагать ответственность, особенно за эксцессы во время прохождения мероприятия, которые никак не могли охватываться умыслом наших подзащитных, на участников и даже на организаторов митинга неправомерно и противоречит принципу вины, установленному статьей 5 Уголовного кодекса. Привожу некоторые относимые цитаты из решения, но это уже, я бы сказала, достаточно, мне кажется. Главное — принцип установленный Европейским судом, и вывод таков: таким образом, преследовать в уголовном порядке за действия, которые не выходят за рамки этого закона, недопустимо в демократическом обществе.

Поэтому следующее нарушение, на котором, я считаю, необходимо остановиться, это нарушение статьи 7 Европейской конвенции. И когда я говорила о нарушении статьи 11, я подчеркивала правовую позицию Европейского суда в том, что даже само привлечение или даже срыв мероприятия, арест участников — это уже нарушение статьи 11. Статья 7 гораздо более сложная; справедливости ради надо сказать, что мои попытки в деле Каспаров и другие по статье 7 не увенчались успехом,

и Европейский суд не признал нарушения статьи 7. Почему? Думаю, что в настоящем деле нарушение все-таки будет иметь место. Потому что статья 7 звучит таким образом — у Каспарова этого признака не было — «Наказание исключительно на основании закона. Никто не может быть осужден в уголовном порядке, — а Каспаров, как вы понимаете, не был осужден никогда в уголовном порядке, — за совершение какого-либо действия или бездействие, которое согласно действующему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением».

Почему я так задержала внимание и пять минут посвятила перечислению всего, что можно? Хотя уже до меня говорили и никакой новеллы я не принесла, я именно хотела сказать, что все эти действия ни согласно национальному законодательству, ни тем более международному праву не являются уголовным преступлением. И если лица только привлечены к ответственности и совершено властями государства вмешательство такого плана, то это уже нарушение статьи 11. А вот если люди осуждены — я прихожу к тому, о чем уже просили мои коллеги по защите — вынести по этому делу оправдательный приговор, — потому что если по этому делу, где действия не являются уголовным преступлением, вынесен обвинительный уголовный приговор, то это уже нарушение и статьи 7 Европейской конвенции. Вот почему я считаю, что те достижения, которые были получены в деле Каспаров против России, должны нас научить. И если даже суд там не счел нарушенной статью 7, то в данном случае именно от нашего состава суда зависит, будет ли совершено это нарушение. В данном случае мне кажется, что следствие и обвинение призывает суд реально к нарушению нормы Конвенции. В чем же здесь призыв к нарушению нормы Конвенции? В данном деле обвинительная власть

пытается криминализовать некриминальные действия фигурантов. То, что обвинение называет массовыми беспорядками, в действительности является массовыми публичными общественными выступлениями. А если чьи-то действия и были направлены на организацию беспорядков — лица в масках, провокаторы, анархисты, я в них не очень разбираюсь, любого рода экстремисты (может, я анархистов обидела, и они вовсе не экстремисты), то моему подзащитному об этих эксцессах не было ничего известно, тем более заранее. Никакой ответственности он за них нести не может. Таким образом, в обвинении, предъявленном подсудимым, отсутствует правовая логика, а в действиях подсудимых отсутствует состав какого-либо преступления. Такая криминализация некриминальных действий и образует, по нашему мнению, нарушение права, гарантированного статьей 7 Конвенции, — не подвергаться преследованию за те действия, которые не содержат в себе состава какого-либо уголовного преступления. Важно то, что это нарушает не только международную норму — хотя мы и говорим о том, что в силу статьи 15 российской Конституции такие нормы, признанные Российской Федерацией, являются обязательными, — но все-таки упоминаемая мной статья 5 УК не допускает объективного вменения.

Я цитирую то, что, конечно, хорошо известно, просто для самоконтроля: «лицо подлежит уголовной ответственности только за те действия и последствия, — я выкидываю в этой укороченной цитате не служащие здесь никакой цели слова, — те действия и последствия, в отношении которых установлена вина». Так что исходя из принципа вины, если забыть о международных стандартах и международных нормах, из принципа вины, установленного российским уголовным законом, позиция обвинения не выдерживает никакой критики. Подсудимые должны быть оправданы, а защита может согласиться

только с таким приговором суда по настоящему делу. И это могло бы быть вообще-то доказано на самых ранних стадиях процесса, когда Удальцов, в частности, ну и, конечно, защита подсудимых, пришли в суд для того, чтобы доложить свою позицию. Я делаю этот экскурс в историю только для одной цели. К сожалению, если бы в порядке статьи 273 УПК, если бы на ранних стадиях процесса дана была реальная возможность высказать вот эти все пункты, вот эти все позиции, то я полагаю, что и процессу был бы задан другой вектор. В этом смысле мы возражали против действий суда, но уже случилось так, как случилось. Я считаю, что все равно в прениях сторон защита реализовала, добрала то, что у нее отобрали на первых стадиях процесса, а именно право, возможность высказаться по существу предъявленного обвинения.

Я, конечно, перехожу на анализ нарушения статьи 6 Европейской конвенции. Восполнимо ли такое нарушение? Да, конечно, и я считаю, что сейчас именно та стадия, когда суд может восполнить это нарушение, но в тот момент суд поставил стороны в неравноправное положение. «Что, я не проявляю принципиальности?» — или, как вчера председательствующий принципиально задал вопрос Развозжаеву: «Вы что, недоверие выражаете суду?» Знаете, уважаемый суд, мы выражали столько, сколько нужно было, сколько было достаточно и необходимо с нашей точки зрения, свое свободное мнение, и даже, если нас ограничивали, мы все равно это доводили до сведения суда. А Европейский суд считает, что если нарушения были, но они были впоследствии устранены, то эти нарушения не могут быть поставлены в вину государству. Потому что жалобы, скажем, в Европейский суд или в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций, в квазисудебный орган, подаются не против обвинения, прокурора, судьи, а против Российской Федерации. Поэтому если именем Российской Федерации такое нарушение компенсировано,

возмещено или устранено, то такое нарушение не может рассматриваться в Европейском суде.

Другим наглядным примером нарушения параграфа 1 статьи 6 может служить то, как суд относился к спискам свидетелей. Я считаю, что опять же это нарушение статьи 6 может быть компенсировано, я потом объясню, каким образом. Неравноправное положение сторон — это всегда такой очень видимый порок разбирательства. Скажем, обвинение приходит с длинным или коротким списком своих свидетелей и говорит: «Мы просим суд допросить этих свидетелей». Защита приходит тоже с длинным или коротким списком свидетелей. Это было очень наглядно показано по другому моему делу, «Ходорковский и Лебедев-2 против Российской Федерации», когда суд принял без купюр весь список свидетелей обвинения и не принял целиком список свидетелей, предоставленный защитой. Да, впоследствии суд допросил целый ряд свидетелей, но сам факт неравноправия — это не параграф 3 статьи 6, уважаемые судьи, это параграф 1 — поставление сторон в неравное положение. И если в нашем деле список свидетелей обвинения был принят без каких-либо ограничений — не все были допрошены, это так, но список обвинения был принят, — список защиты не был принят; более того, с этой целью была предпринята некая манипуляция с исследованием, после которого списка свидетелей со всеми процессуальными гарантиями в отношении такого списка — уже тогда суд обеспечивает явку этих свидетелей — как бы и не существовало. Суду, мне думается, надо этот момент отметить, и вот такую манипуляцию со стороны обвинения я считаю совершенно недопустимой. И те свидетели, которых суд вызывал, допрашивались судом с прямо противоположным отношением к свидетелям обвинения. Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто старое забудет — тому оба вон. Мы помним, что суд подчас не давал возможности защите выяснять какие бы то ни было

противоречия в показаниях лиц, допрашиваемых со стороны обвинения, в том числе потерпевших, потому что потерпевшие допрашиваются по правилам допроса свидетелей. Защита уже заявляла, что вопросы снимались, даже самые нейтральные. Я не буду спорить с судом в том, что некоторые вопросы защиты могли быть некорректными, неправильно сформулированными, впопыхах, иногда, когда слушаются спонтанные показания, может не прийти к месту правильное, нужное слово. Но если мы обратимся к протоколу судебного заседания, которое, я с прискорбием отмечаю, суд все-таки решил не показывать до приговора — потом я два слова скажу, почему это нарушает права защиты, — если обратиться хотя бы к тем расшифровкам судебного заседания, даже еще не являющимся протоколом судебного заседания, то можно заметить, как тенденциозно допрашивались, вернее — как оберегались свидетели со стороны обвинения. А другие свидетели, свидетели защиты, наоборот, подвергались — суд имеет право, конечно, — жесткому, пристрастному, очень взыскательному допросу, и тон вопросов суда как-то выявлял изначальное недоверие к показаниям этих свидетелей. Мне вспоминается свидетель Булкин, который стал даже объектом насмешек суда, который подверг его активному допросу, пытался уличить свидетеля в ложности утверждений, тогда как свидетель вел себя на удивление естественно, не боялся, искренне и логично давал последовательные показания. Записи хода судебного процесса, конечно, должны эти моменты зафиксировать, нами зафиксированы и, надеюсь, что в протоколе это все будет.

Я все время говорю: возможно устранить или восполнить то или иное нарушение? Полагаю, что да. Потому что если суд при оценке доказательств, когда мы не будем присутствовать, суд будет в святая святых, в совещательной комнате, и никто в мире не вправе знать,

что и как будет обсуждать суд, и это такой святой момент процесса, — если суд и при оценке доказательств займет подобную тенденциозную позицию, то приговор может уже стать доказательством несправедливости суда и отсутствия должной беспристрастности и незаинтересованности суда. Если же этого не произойдет, то, как мы полагаем, будет вынесен оправдательный приговор.

Были допущены и другие действия, которые не обеспечили принцип состязательности, равенства сторон. Я думаю, что уже в восьмом часу я себя прерву. Больше всего я коротко, буквально в двух параграфах, обосную нарушения параграфа 2 статьи 6 Европейской конвенции, а именно гарантии презумпции невиновности, которая, конечно, соответствует и требованиям российского законодательства и российской Конституции. Эта норма гласит: каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

Когда в отношении подсудимого существуют показания такие, как в нашем деле показания Лебедева, то вообще-то каждый человек должен быть в демократическом обществе застрахован от необоснованного оговора. Застрахован! Это что значит? Это значит, что каждый человек считается невиновным. Есть показания Лебедева. Кому-то — обвинению — они кажутся абсолютно логичными, согласующимися. Мы, конечно, надеюсь, за эти два дня в пух и прах их разбили, а самое главное — что сам Лебедев их разбил, потому что он не давал последовательных показаний. А самое главное — уважаемые участники процесса, я не думаю, что у кого-либо, даже у стороны обвинения, возникнут сомнения в том, что это лицо не просто заинтересованное в исходе дела, а лицо, заинтересованное в своей судьбе. И вот если в государстве нет надежного механизма, который защищал бы моего подзащитного Сергея Удальцова

от оговора отдельно взятого человека, дающего к тому же непоследовательные показания и к тому же прямо заинтересованного в исходе дела и в собственной судьбе, значит, презумпция невиновности в государстве не уважается. Поэтому я глубоко солидарна с мнением моего коллеги, адвоката Федорченко, в том, что эти показания не могут быть единственным ресурсом для того, чтобы оговор стал приговором. Я не говорю о том, что есть так называемая — я ее называю «так называемая» — явка с повинной. Тут излишне вообще говорить, если сам Развозжаев сказал: «Я оговорил в этом документе — и не давал этого добровольно следствию — не только Удальцова, но и себя». А вот тот факт, что он якобы Лебедева оговорил, это неправда, потому что Лебедев к тому времени дал свои первоначальные показания, и именно по этим показаниям коррелировались и корректировались показания или, как их называют, «явка с повинной» подсудимого Развозжаева. Так что вот, пожалуйста, правовое содержание презумпции невиновности.

Были и такие случаи, когда суд, пусть в шутку, но демонстрировал отсутствие презумпции невиновности. Так, 2 июня 2014 года идет допрос свидетеля Леонида Ковязина. И, касаясь вопроса возложения расходов по проезду свидетелей, председательствующий судья заявляет, что они, все эти расходы, все равно будут возложены на подсудимых. Комментарии излишни. По-видимому, в этот конкретный момент суд не руководствовался принципом презумпции невиновности. Еще раз говорю: это можно сказать в шутку — как говорят, в каждой шутке есть доля шутка, остальное все правда. Это в любом смысле демонстрирует — а ведь у нас публичный процесс, и воспитательная роль публичного процесса именно в этом, чтобы продемонстрировать точное следование принципу презумпции невиновности.

Ну и, наконец, параграф 3 статьи 6 — это параграф, который отражает минимальные стандарты, которые должны быть обеспечены обвиняемым: это «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты» — по нашему подзащитному я не могу этого сказать, в отношении Развозжаева вы его заявление слышали, — «защищать себя лично или через посредство выбранного самим защитника» и так далее, и тому подобное — мы тоже знаем ситуации, которые складывались по нашему делу, — и, наконец, «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право... — не точка, не запятая! я говорю „не точка, не запятая!“», потому что обвинение попыталось произвольно трактовать эту норму; она нам всем очень хорошо знакома, — или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу... — не только против него показывающих — на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него». Скверный перевод Конвенции. В английском языке, я думаю, даже у обвинения не возникло бы такой трактовки, что только показывающих против него свидетелей. Здесь говорится именно о равных условиях, на которых допрашиваются свидетели. Поэтому любой невызов ключевого свидетеля — да, Европейский суд говорит: свидетели, которые нерелевантны, показания которых не имеют отношения к делу — нельзя пожелать, папа римский очень много всего знает, но нельзя требовать у суда вызвать его в судебное заседание. Но невызов свидетеля, который знает обстоятельства дела, который владеет информацией, которая может иметь значение о принятии решения о виновности того или иного подсудимого, конечно, прямо нарушает параграф 3 в совокупности с параграфом 1 — как я уже говорила, потому что это общая справедливость — статьи 6. Если это, скажем, свидетель Навальный, которого желает сторона защиты, то говорить о том, что это нерелевантный свидетель, нет

никаких оснований. В суд также не явилось более 50 так называемых потерпевших. Да, явка потерпевших — вы правы, нам пять раз, наверно, разъяснили это, видимо, мы производим впечатление тугодумов. Но не следует подменять тезис защиты о том, что хотя явка потерпевших — это их право, но таким образом проверить их показания, если они не явились, на предмет их достоверности, относимости и решить вопросы доказательств, отражающих телесные повреждения, другие обстоятельства, связанные с этим уголовным делом, — все эти вопросы выяснить оказалось невозможным, и именно обвинение не предоставило суду этой возможности. Именно на обвинении лежала эта обязанность. В конце концов, не пришли потерпевшие, по тем или иным причинам раздумали быть потерпевшими, мы же не знаем их сегодняшнее мнение. Как можно — это меня потрясло: а вдруг они решили больше никогда не быть потерпевшими по этому делу? Мы что их, насильно? А если бы они явились и сказали: «Вы знаете, я подумал: вот эта царапинка здесь или ссадинка — ну, это неловко мне, я командир отделения, ну что я буду из себя потерпевшего строить? Я прошел горячие точки, я никогда в жизни из-за контузии не был потерпевшим, а тут я буду по какой-то царапинке-ссадинке потерпевшим?» Не выслушав таких людей, не выслушав, при каких обстоятельствах они получили свои телесные повреждения, в каких конкретно событиях они участвовали, причинил ли кто-нибудь из подсудимых вред их здоровью — я перечисляла, когда заявляла это ходатайство, все вопросы, которые возникают на этот предмет, и этот предмет, как и все другое, доказывается только в непосредственном и устном процессе, поэтому не надо нам говорить о том, что это их право — не явиться. Конечно, это их право — не явиться. Но и огласить их показания тоже законных оснований нет, о чем мы и заявляли в своем ходатайстве. И поэтому устный

и непосредственный процесс — это неременное требование статьи 240...

Председательствующий судья Александр Замашнюк:
Каринна Акоповна, вынужден вас...

К.М.: Дайте до точки договорить, ваша честь.

А.З.: Сейчас договорите...

К.М.: ...240 УПК, и нарушать его было нельзя.

А.З.: Каринна Акоповна, напомню вам, что со стороны обвинения показания не оглашались.

К.М.: Вот я и говорю, ваша честь. И получается, что обстоятельства остались не...

А.З.: Вы сами себе противоречите...

К.М.: Нет.

А.З.: ...в своем выступлении, заявляя о том, что огласить их показания не имелось законных оснований.

К.М.: Просто надо было исключить их из числа потерпевших как лиц, которые не явились в суд...

А.З.: Это касается процессуальных...

К.М.: ...и не подтвердили своего желания быть потерпевшими.

А.З.: Уважаемый защитник! Пожалуйста! Вы сейчас вправе завершить свое выступление. Просто суд обращает ваше внимание на то обстоятельство, что, принимая решение по существу вашего же ходатайства, суд обосновывал свое решение, помимо требований Уголовно-процессуального кодекса, также и Европейской конвенцией, на которую вы справедливо ссылаетесь, Текст официального перевода Европейской конвенции на русский язык вручен в Европейском суде по правам человека соответствующим

участникам процесса, каковые перед вами здесь находятся в составе суда, поэтому мы располагаем официальным переводом этого текста...

К.М.: На русский язык нет официального перевода, он считается неофициальным, но это не важно.

А.З.: ...поэтому то, что вы объяснили... Что касается ваших утверждений по поводу процессуального статуса потерпевших и исключить их из процессуального статуса, то напомню вам, что суд принимал решение по существу вашего же ходатайства, руководствуясь положениями статьи 142 и еще соответствующим образом 240, 281 УПК, а также статьей 20, согласно которой категория уголовных дел, предъявленных вашему подзащитному, является делами публичного обвинения, и желание или нежелание, передумывание или непередумывание быть потерпевшим абсолютно не влияло на признание данных лиц в качестве потерпевших по уголовному делу. Поэтому прошу соответственно соблюдать некоторые нормы и правила при высказывании суждений, которые не до конца имели место быть, как это излагали вы, поскольку вопрос об оглашении показаний, наоборот, категорически сторона обвинения возражала. Пожалуйста.

К.М.: Правильно, и мы бы тоже возражали. Я говорю о том, что обвинению надлежит заботиться о потерпевших, даже если это дела частного или публичного обвинения. Суду тоже. Но интересы подсудимых...

А.З.: Каринна Акоповна...

К.М.: Я сейчас о другом говорю. Я прошу меня больше не перебивать, ваша честь. Я рада нашему диалогу, но вообще-то это не диалог, а мое выступление в прениях.

А.З.: Каринна Акоповна...

К.М.: Я прошу дать мне возможность выступить в прениях.

А.З.: Вы сейчас завершите свое выступление...

К.М.: Я не сейчас, а только через десять минут его завершу.

А.З.: Через десять минут, вам предоставят даже возможность с учетом того, что я вынужден вас прервать, даже продлить вашу возможность выступить не только в течение десяти минут, но сколько вы сочтете нужным.

К.М.: Спасибо.

А.З.: Напомню вам, что не суд и не прокурор определяют задачу защиты прав потерпевших, а статья 6 Уголовно-процессуального кодекса, в которой на первом месте задачей уголовного судопроизводства России ставится защита прав потерпевших...

К.М.: ...а ровно на втором месте — защита прав... не только после этого, а они совершенно равны...

А.З.: Пожалуйста.

К.М.: ...это две цели неразделимые, поэтому я хочу сказать: у потерпевшего есть права, и они, конечно, очень важны, но попробуй — если говорить о статье 6 Европейской конвенции, там нет прав потерпевших, вы знаете это, там есть только права подсудимых — так вот, если суд не учтет права потерпевших, это не возбраняется...

А.З.: Каринна Акоповна, мы с вами сейчас не полемизируем, а продолжаем... суд права потерпевших не защищает...

К.М.: ...а вот если не учтет права подсудимых...

А.З.: Напомню вам, Каринна Акоповна, Европейский суд по правам человека права потерпевших не защищает.

К.М.: Защищает. Я защищаю интересы по делу Политковской, по делу жертв «Норд-Оста» в Европейском

суде и даже выиграла уже ряд дел...

А.З.: Пожалуйста, продолжайте.

К.М.: ...именно потерпевших, когда их права... Только они не по статье 6 защищаются, а по статье 2 и 3, и даже по статье 8.

Здесь есть еще один неприятный момент, который я не могу упустить, — это нарушение статьи 6 в совокупности со статьей 3 Европейской конвенции. Ниже приводится краткая справка по нарушению судом принципа гуманного обращения с подсудимым — права на медицинскую помощь подсудимому, на участие в судебном процессе с целью осуществления права на защиту — и лишению этих прав в отношении лица, которое страдает физическим недугом. Я не хочу долго об этом, мне хочется все-таки, чтобы суд ушел в совещательную комнату с неким позитивным чувством, обострять я этого не хочу, но, конечно, факты — я не была в судебном заседании, я благодаря записям хода судебного разбирательства просто была поставлена в известность о том, что, имея на руках копии медицинских документов, суд позволил себе ограничить, вернее — лишить моего подзащитного права на участие в судебном заседании. Я просто не хочу сейчас на этом факте останавливаться, он здесь описан и был ранее описан в заявлении защиты.

Наконец, еще одно нарушение, которое все равно, с моей точки зрения, не лишает суд возможности вынести справедливое решение, коим, как я уже говорила и как мои товарищи, коллеги по защите говорили, может быть, с нашей точки зрения, только оправдательный приговор безо всяких экивоков, потому что люди не совершали криминальных действий. Я начала с того, что процесс как-то не задался и у нас не сложилась немножко поначалу рабочая обстановка. Мне очень горько сказать, что я считаю, что прения сторон прошли в таком же

неравноправном ключе. Я уже приводила всего один факт, когда обвинение какие-то измышления о каком-то личном докладе лидеру Республики Грузия говорило как о каком-то установленном факте. В то же время защите не позволялось ссылаться на имеющиеся материалы дела. И это, в общем-то, довольно справедливо, потому что действительно статья 292 так сформулирована, что надо говорить по существу того, что касается этого дела. Но, уважаемые участники процесса, ведь 292 — давайте на нее еще раз посмотрим. Она не позволяет прерывать по каждому и любому поводу выступающих лиц. Ведь если моему подзащитному дали говорить — и я очень рада, я могла бы быть удовлетворена, — в то же время я привожу девять фактов, когда перебивали подсудимого Развозжаева, восемь случаев, когда перебивали моего очень корректного коллегу — я просто преклоняюсь перед такими корректными людьми, как Дмитрий Аграновский, — который терпеливо все снес.

Что я хочу сказать в заключение? Пусть останутся доводы сторон, и пусть мы не будем под властью того, что суд давал говорить обвинению, никогда его не перебивал, даже когда, наверно, имелась необходимость это сделать, и так часто перебивал защиту — я даже не в обиде на себя, потому что у нас возник, может быть, нелегитимный, но диалог, в ходе которого я все-таки высказала свою точку зрения, но когда моему подзащитному говорят, что он не имеет права повторяться, он не имеет права сравнения или он не имеет права метафоры приводить — да даже сам способ доказательства *ad absurdum*, то есть от противного — вот Плевако, Кони мне не дадут соврать, — это издревле известный способ ораторского искусства. И почему в судебном зале, с какого дня вдруг можно так вольно толковать статью 292? Я очень надеюсь, что эти все перебивки — я цитирую одну только, адвокатам очень полезно послушать себя со стороны, но и председательствующему и вообще судьям,

прокурорам очень полезно послушать себя со стороны, я цитирую только одну перебивку, а их, как я уже сказала, были десятки. Мое пожелание к суду такое: пусть эти перебивания, все-таки неправомерные, с моей точки зрения, действия, поэтому я и пыталась сделать заявление, пусть они не повлияют на самое главное. И отвечая на ваш вопрос, вы поставили его Развозжаеву и говорите: «Вы что, заявляете отвод?» — уважаемые судьи, все, что было до сих пор, это была преамбула, и то, что суд сегодня так хорошо, чуть ли не наизусть знает материалы дела, это прекрасно, чем лучше суд знает материалы дела, тем больше у нас надежд на то, что, пусть на протяжении всего разбирательства было достаточно нарушений, суд может абстрагироваться от этого, если может быть, было изначально какое-то предубеждение, может быть, оно было преодолено. Мне кажется, что так, как звучали сегодня выступления всех моих коллег, мы должны были убедить суд и, я надеюсь, мы убедили суд в невиновности наших подзащитных. И просим вас о вынесении оправдательного приговора. Спасибо за внимание.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

